

Социальная структура, социальные институты и процессы
Social Structure, Social Institutions and Processes

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-2-89-102

УДК 316.347(470.62)

**СОЦИАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИРОВАННОСТЬ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ
ОБЩЕНИЕ В ЭТНИЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ
ДАГЕСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна

Институт истории, археологии и этнографии

Дагестанского федерального исследовательского центра РАН

г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

e-mail: madina2405@mail.ru

Аннотация: Введение. На характер межнациональной коммуникации, интенсивность межличностных контактов, состояние межэтнической сферы непосредственное влияние оказывает социокультурная специфика этнической общности, которая подразумевает отличия и сходства между национальными образованиями. Поэтому научный интерес представляет выраженность социальной дистанцированности в многонациональном и полирелигиозном социуме, каковым является Дагестан. Социальная дистанция и специфика ее проявления в общественном сознании и поведении являются ключевыми факторами формирования межнациональной толерантности, сохранения стабильности и позитивного межэтнического климата. Поэтому установление существующих в общественном сознании молодого поколения дагестанцев допустимых и недопустимых границ межнационального взаимодействия обусловлено тем, что, по мнению автора, именно этническая граница определяет векторы (стабильного или нестабильного) развития социума.

Методы исследования. Социальная дистанция изучена с использованием шкалы Э. Богардуса, показывающая существующие в общественном сознании дагестанской молодежи установки на принятие представителей иной национальной общности в различных сферах взаимодействия. Эмпирическое исследование прове-

дено в 2022 г. в административных образованиях Республики Дагестан: гг. Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский, Левашинский районы. Объектом исследования является дагестанская молодежь. Предметом исследования выступает социальная дистанцированность и ее выражение в общественном сознании молодого поколения дагестанцев. Методом исследования является массовый стандартизированный опрос. N = 543.

Результаты исследования. Автор придерживается позиции, что ярко выраженная социальная дистанция, как обозначение «мы-они» и констатация этнокультурной специфики, несет в себе негативный заряд, ибо может формировать в обществе интолерантные установки, отрицательные этнические стереотипы, предубеждения не позволяющие поддерживать межличностное общение и сохранить позитивный межэтнический климат. Проведенное исследование показывает доминирование в общественном сознании молодого поколения дагестанцев позитивных установок на межнациональное взаимодействие и его положительная характеристика. Основанием для вывода о существовании в поведении опрошенной дагестанской молодежи принципов толерантности является эмпирический материал показывающий существенный процентный разрыв по позициям, во-первых, подчеркивающим позитивный настрой на взаимодействие, во-вторых, обозначение респондентами отсутствия этнических образований, с которыми им дискомфортно коммуницировать. Критерием измерения социальной дистанции является готовность взаимодействовать с представителями инонациональной общности в различных сферах жизнедеятельности: аналитика материала констатирует о слабой выраженности социальной дистанции у опрошенной дагестанской молодежи. Как правило, при позитивном восприятии инонационального окружения практически во всех социальных областях, исключение составляла семейно-брачная сфера: верификация эмпирики констатирует об отсутствии предубеждений в массовом сознании молодого поколения дагестанцев и готовности принять человека другой этнической принадлежности в такой консервативной сфере как семейно-брачная.

Ключевые слова: дагестанская молодежь, межнациональное общение, межнациональные отношения, межнациональное взаимодействие, полиэтничность, социальная дистанция, социальная сфера, этноконтакты

Для цитирования: Шахбанова М.М. Социальная дистанцированность и межнациональное общение в этническом поведении дагестанской молодежи

// Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Т. 15. № 2. С. 89-102
DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-2-89-102

Original article

**SOCIAL DISTANCING AND INTERETHNIC COMMUNICATION IN
THE ETHNIC BEHAVIOR OF DAGESTAN YOUTH**

Madina M. Shakhbanova

Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>

e-mail: madina2405@mail.ru

Abstract. Introduction: The nature of interethnic communication, the intensity of interpersonal contacts, and the state of the interethnic sphere are directly influenced by the socio-cultural specifics of the ethnic community, which implies differences and similarities between national entities. Therefore, the expression of social distancing in a multinational and polyreligious society, such as Dagestan, is of scientific interest. Social distance and the specifics of its manifestation in public consciousness and behavior are key factors in the formation of interethnic tolerance, maintaining stability and a positive interethnic climate. Therefore, the establishment of acceptable and unacceptable boundaries of interethnic interaction existing in the public consciousness of the young generation of Dagestanis is due to the fact that, according to the author, it is the ethnic border that determines the vectors of (stable or unstable) development of society.

Research methods: The social distance was studied using the E. Bogardus scale, which shows the attitudes existing in the public consciousness of Dagestan youth to accept representatives of a different national group in various spheres of interaction. An empirical study was conducted in 2022 in the administrative formations of the Republic of Dagestan: Makhachkala, Derbent, Khasavyurt, Botlikh, Derbent, Kazbekov, Kizlyar, Levashinsky districts. The object of the study is Dagestan youth. The subject of the study is social distancing and its expression in the public consciousness of the younger generation of Dagestanis. The research method is a mass standardized survey. N = 543.

Results: The author adheres to the position that pronounced social distance, as the designation "we are them" and the statement of ethno-cultural specifics, carries a negative charge, because it can form intolerant attitudes, negative ethnic stereotypes,

prejudices in society that do not allow maintaining interpersonal communication and maintaining a positive interethnic climate. The conducted research shows the dominance of positive attitudes towards interethnic interaction and its positive characteristics in the public consciousness of the young generation of Dagestanis. The basis for the conclusion about the existence of principles of tolerance in the behavior of the interviewed Dagestan youth is empirical material showing a significant percentage gap in positions, firstly, emphasizing a positive attitude to interaction, and secondly, the designation by respondents of the absence of ethnic entities with which they are uncomfortable to communicate. The criterion for measuring social distance is the willingness to interact with representatives of a foreign community in various spheres of life: the analysis of the material states the weak expression of social distance among the interviewed Dagestan youth. As a rule, with a positive perception of the foreign environment in almost all social areas, the exception was the family-marriage sphere: verification of empiricism states the absence of prejudice in the mass consciousness of the younger generation of Dagestanis and the willingness to accept a person of a different ethnicity in such a conservative sphere as family-marriage.

Keywords: Dagestan youth, interethnic communication, interethnic relations, interethnic interaction, polyethnicity, social distance, social sphere, ethnic contacts

For citation: Shakhbanova M.M. Social distancing and interethnic communication in the ethnic behavior of Dagestan youth. Historical and socio-educational Idea. 2023. Vol. 15, No.2. PP. 89-102 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-2-89-102

Введение. Проблема социальной дистанции, вернее, ее проявление в социуме актуализировалась на фоне роста значимости этнического фактора, ибо его рассмотрение естественно потребовало глубокого анализа всей национальной сферы в целом, а также значения этнического параметра в различных социальных сферах и институтах: экономической, политической, культурной, идеологической, религиозной, образовательной и т.д. Чем обусловлено повышение интереса научного сообщества к понятию «социальная дистанцированность»? По мнению автора, причина кроется в том, что выраженность и интенсивность социальной дистанции определяет траекторию общественного развития в части сохранения межнационального согласия, позитивного межэтнического климата, межнациональной и межрелигиозной толерантности. Иными словами, чем силь-

нее выпячивается социокультурная дистанция в полиэтническом социуме, тем больше возможность обострения ситуации в межнациональной сфере, потому что обозначение дистанции между этническими общностями, вполне может сопровождаться и противопоставлением их по ряду параметров. Как правило, наиболее болезненными бывают религиозные представления, необходимость отстаивать национальные интересы, защита языковых прав, системы образования, этнокультурной самобытности и т.д.

Необходимо отметить, что дефиниции «социальная дистанция», «культурная дистанция», «культурные границы» появились в рамках исследования этнической идентичности и эти понятия широко разрабатывались в западной антропологии, в отечественную науку они пришли значительно позже, ибо в социалистический период рассмотрение национальной проблематики и национальных процессов происходило в рамках марксистско-ленинской методологии, которая базировалась на иных теоретико-методологических концепциях и понятийном аппарате. Новое видение и инструментарий исследования национального компонента появилось с публикацией статьи С.В. Чешко «Человек и этничность» (1994) [1], благодаря ей появились статьи, в которых обсуждалась этничность и этнические процессы в рамках примордиализма, конструктивизма и инструментализма [2, 3, 4, 5, 6, 7].

Понятие «шкала социальной дистанции» появилось в 1925 г. и ее автор Э. Богардус отмечал вклад Р. Парка: «понятие расстояния в применении к людям, в отличие от пространственных отношений, становится употребительным среди социологов в попытке свести его к чему-то похожему на измеряемые параметры уровней и степеней понимания и близости, которые характеризуют межличностные и социальные отношения в широком смысле... тот факт, что мы можем легко различить степень близости, позволяет предположить, что мы сможем в конечном итоге измерять "расстояние"» [8, с. 57].

При изучении социальной дистанции широкое распространение получили понятия «культурные границы» и «культурная дистанция». Их автор Ф. Барт придерживался позиции, что «культурное единство группы не является первичной и дефиниционной характеристикой этнической группы, а необходимо его рассматривать как результат и смысл существования» [9, с. 19], «согласно концепции Ф. Барта, не существует прямого и однозначного соответствия между этническими общностями и культурным сходством и различием. Этнические категории – как при самоидентификации, так и в процессе отнесения других к определенным этническим группам – принимают во внимание не просто сумму объективных различий, а лишь те из них, которые самими индивидами воспринимаются как *значимые*» [10, с. 20].

Л.М. Дробижева смогла объединить существующие многообразные подходы к исследованию культурных границ как группового, социально обусловленного феномена и явления культурной дистанции как субъективного образа «близости-далекости» культур. С привлечением междисциплинарного подхода Л.М. Дробижева сформулировала важные положения изучения культурной дистанции через: 1. призму этнических особенностей социально-профессиональной деятельности, 2. идеологических ориентаций, 3. представлений о нормативных ценностях.

Последние включают в себя:

- а) отношение к общечеловеческим ценностям,
- б) отношение к специфическим этнокультурным ценностям и предписаниям,
- в) психологическая перспектива восприятия собственной этнической идентичности и другой этнической группы» [11].

И.М. Кузнецов считает, что при измерении межэтнических установок «диагностический инструментарий должен фиксировать соотношение между установками ингруппового фаворитизма и аутгруппового негативизма. Показатель баланса этих двух составляющих дает основания для выводов не только о состоянии межнациональной ситуации, но, в первую очередь, о возможностях и точках приложения социального влияния, направленного на профилактику негативного сценария» [12].

Методика исследования. Социологический опрос по изучению этнической идентичности дагестанской молодежи проведен в 2022 г. в гг. Махачкала, Дербент, Хасавюрт, Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизлярском, Левашинском районах Республики Дагестан. N=543. Распределение по национальной принадлежности: аварцы (24,9 %), даргинцы (18,6 %), кумыки (12,3 %), лакцы (10,5 %), лезгины (19,2 %), русские (5,7 %), чеченцы (4,7 %), другие (4,1 %); по образованию: среднее (29,8 %), среднее специальное (37,8 %), высшее (32,4 %); по возрасту: 0–20 лет (36,4 %), 21–25 лет (22,7 %), 26–30 лет (20,8 %), 31–35 лет (20,1 %); по полу: мужчины (48,8 %), женщины (51,2 %).

Результаты исследования. В ходе межличностной коммуникации огромное значение имеет эмоциональный компонент, чувство эмпатии, позволяющий получать позитивные впечатления от взаимодействия. Характерные дагестанской молодежи эмоции показывает эмпирический материал в табл. № 1.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «С какими народами Вам приятно общаться, дружить?» и «С какими народами Вам неприятно общаться, дружить?» (%)

Table 1. Distribution of answers to the question "What nations do you enjoy communicating with, making friends with?" and "Which nations do you find unpleasant to communicate with, to be friends with?" (%)

Варианты ответов	С аварцами	С даргинцами	С лакцами	С лезгинами	С кумыками	С русскими	Со всеми народами/ Нет таких народов
Национальности							
Аварцы	43,5/6,5	13,5/10,5	5,5/8,5	7,5/ 5,0	7,5/ 6,5	11,0	46,0 /64,0
Даргинцы	22,9/5,7	21,4/ 8,6	7,1/1,4	4,3/4,1	7,1/1,2	2,9	67,1/78,6
Кумыки	28,8/8,5	10,2/8,5	6,8/1,7	8,5/1,7	15,3/3,4	10,2	62,7/72,9
Лезгины	14,0/9,4	8,6/0	8,6/0	20,4/0	3,2	4,3	61,3/78,1
Лакцы	15,6/9,4	12,5/0	15,6/0	9,4/0	9,4/3,1	9,4	68,8/78,2
Русские	18,2/0	9,3/0	8,9/0	18,2/0	9,4/9,1	18,2	72,7/72,7
Чеченцы	9,1/6,1	3,0/0	0/6,1	0/0	9,0/0	0	66,7/66,7
Другие	15,6/0	15,6/0	12,5/0	12,5/0	9,4/6,3	9,4	68,8/78,1
Возраст							
0 – 20 лет	24,6/5,6	14,9/ 3,2	9,3/2,4	10,1/1,2	8,9/4,0	7,7	59,7/73,8
21 – 25 лет	18,6/7,1	12,4/7,2	9,7/2,7	14,2/7,3	11,5/8,0	4,4	65,5/70,8
26 – 30 лет	45,5/7,3	6,5/13,8	0/12,2	1,6/ 4,1	3,3/ 6,5	12,2	46,3/64,2
31 – 35 лет	18,8/1,6	12,5/4,7	7,8/3,1	14,1/1,6	6,3/3,1	9,4	67,2/78,1
Всего:	27,4/5,8	12,2/6,6	7,1/4,7	9,5/3,1	7,8/5,3	8,2	58,8/71,5

Источник: составлено автором научной статьи.

Source: compiled by the author of the scientific article.

По всему массиву опрошенных, позитивные чувства в процессе межличностного общения респонденты демонстрируют в отношении аварцев (одна четвертая часть по всему массиву), среди них выделяются даргинцы и кумыки; по сравнению с другими перечисленными народами, опрошенным комфортна коммуникация с даргинцами, по остальным дагестанским народам процентные показатели меньше 10 %. О существовании мощной толерантной базы, более того,

последовательности в этническом поведении дагестанской молодежи свидетельствует позиция подавляющей части опрошенных, которая демонстрирует позитивное отношение ко всем народам и подчеркивает отсутствие негативных установок к представителям других национальных групп. Различий по этническому и социально-демографическому параметрам не наблюдается, почти равные части респондентов демонстрируют толерантные принципы, более того, не ощущают этнически маркированной границы между собой и иными этносами. Ранее был сделан вывод, что обозначение опрошенными одним из векторов развития отношений между дагестанскими народами стремления поддерживать общение, но при этом иметь самостоятельный статус, свидетельствует о существовании этнической границы, а эмпирика на вопрос «С какими народами Вам приятно общаться, дружить?» демонстрирует иное этническое поведение дагестанской молодежи и ее стремление к позитивной коммуникации. На первый взгляд, это явное противоречие, но если вникнуть в суть вопроса, то здесь нет никакого разногласия – респонденты элементарно не переносят в плоскость личностного пространства и общения национальную проблематику, более того, они ее игнорируют. Более того, нереальным является идеальное сосуществование народов, государств, людей, которые отличаются между собой по целому спектру признаков (экономическое развитие, географическое расположение, природные богатства, пол, возраст, образование, национальная принадлежность, человеческий капитал и т.д.).

Разумеется, экономически развитые регионы и государства, соответственно, и население в них, чувствуют себя комфортно, по сравнению с теми административными образованиями, которые сталкиваются с трудностями различного характера. Кроме того, всегда имеет место стремление навязать свои мировоззренческие и иные принципы, а также установки рядом проживающим народам, что встречает, мягко говоря, непонимание. Также огромное значение в формировании позитивного или негативного отношения к представителям инациональной принадлежности имеет историческая память: если соседние народы не сталкивались с проявлением враждебности и агрессии по отношению к себе, в их общественном сознании и формируется позитивный образ, а отрицательный опыт взаимодействия закономерно образует противоположные взгляды, порой агрессию и враждебность. В этой связи научный интерес представляет выявление не только позитива, но существование/отсутствие деструктивных установок в отношении других народов. Далее эмпирика показывает превалирование в общественном сознании опрошенной дагестанской молодежи с огромным преимуществом позиции отсутствия дискомфорта при личностном взаимодействии с представителями других этнических общностей. Данные цифры являются основанием для констатации в установках молодого поколения дагестанцев прин-

ципов толерантности в отношении представителей иноэтнического образования. Вместе с тем, хотя и не такая большая доля респондентов, но, например, аварцы указали на даргинцев и лакцев, с которыми им дискомфортно поддерживать межнациональное общение, в свою очередь, в подмассиве даргинского населения доля указавших на аварцев почти в 2 раза меньше. Опрошенным кумыкам неприятен межнациональный диалог с аварцами и даргинцами, одинаковой части лезгин и лакцев с аварцами, впрочем, как и чуть меньшей части чеченцев; респондентам русским дискомфортно общение с кумыками. Существование, хотя и в слабой форме напряженности и нежелание поддерживать диалог с представителями других народов, как показывает эмпирический материал, сопровождается и обозначением эмоционального дискомфорта в отношении представителей своего народа – здесь можно выделить аварцев, даргинцев, в то время как в других подгруппах доля таковых небольшая или же вообще отсутствует (например, подмассивы лакцев и лезгин).

Результаты ответов на вопросы «С какими народами Вам приятно общаться, дружить?» и «С какими народами Вам неприятно общаться, дружить?» показывают доминирование в общественном сознании дагестанской молодежи позитивных установок в отношении других этнических образований. При этом доля, демонстрирующая интолерантность существенно меньше, что является основанием для вывода о сохранении межнациональной стабильности и отсутствия угрозы дестабилизации ситуации, во-первых, в Дагестане, во-вторых, национальной безопасности Российского государства.

В рамках исследования этнической границы значимым является выявление отражения чувства неприязни к представителям иных народов на готовность принять/не принять их в разных социальных сферах. Авторский опрос показывает, что респонденты придерживающиеся точки зрения о комфортности поддерживать отношения с представителями других народов, демонстрируют толерантные установки: так, 61,0 % готовы принять представителя другого народа в качестве супруги(-и) своих детей, 62,6 % в статусе своего(-ей) супруга(-и), против по обеим позициям 53,8 % и 55,0 %, соответственно. Далее 66,1 % готовы принять непосредственным начальником против 36,7 %, соседом – за 62,8 % против 35,3 %, коллеги по работе 62,5 %, противоположной позиции придерживаются 27,3 % опрошенных, жителем республики 61,9 % против выступают 44,4 %, партнером в совместном деле 64,5 % против 31,0 %, гражданином России 61,9 % против 42,1 %.

Социальная дистанцированность в многонациональном сообществе зависит от предпочтительности или избегания этноконтактирования, более того, критерием зрелости этнической идентичности выступает частотность межнациональных контактов. Кроме того, наличие или отсутствие межличностного диало-

га свидетельствует о состоянии межнациональной толерантности, а степень интенсивности этноконтактов показывает вектор развития межэтнической сферы в целом. Как же выглядит ситуация в сфере личностной коммуникации дагестанской молодежи? При анализе межнационального общения необходимо учитывать, что его частотность и характер выступают важными индикаторами измерения этнического поведения населения. Эмпирический материал на вопрос «Как часто Вы общаетесь с представителями других народов?» показывает, что подавляющая часть опрошенного молодого поколения дагестанцев поддерживает интенсивное межличностное взаимодействие (78,5 %). По национальному разрезу можно выделить даргинцев (85,7 %), кумыков (84,7 %) и русских (81,8 %), в других подгруппах доля таковых чуть меньше 80 % за исключением респондентов-чеченцев (63,6 %). С возрастом и уровнем образования опрошенных наблюдается увеличение числа вступающих в коммуникацию: с 77,4 % в разрезе 0–20 лет до 82,8 % в когорте 31–35 лет, с 81,2 % со средним образованием до 83,6 % с высшим образованием.

Дальнейший анализ показывает, что 13,0 % опрошенных по всему массиву редко общается с представителями других этнических общностей и, в сравнении, не вступающих в этноконтакты больше в подмассивах аварцев (20,0 %) и русских (18,2 %), а также имеющих среднее образование (11,3 %). Статистически незначимая часть опрошенной дагестанской молодежи вообще не общается (3,3 %) и среди отметивших данное суждение можно выделить кумыков (8,5 %) и в случае крайней необходимости вынуждена поддерживать межнациональный диалог чеченская молодежь (12,1 %).

Результаты исследования не вызывают сомнения, ибо молодое поколение изначально ориентировано на общение, более того, росту коммуникации способствуют социальные сети, в которых молодежь очень активна. Кроме того, молодое поколение имеет собственные мировоззренческие установки и миропонимание, цели, на достижение которых они, как правило, бывают сконцентрированы. К сожалению, в настоящее время многое в воспитании молодого поколения не только дагестанцев, но и российской молодежи в целом упущено, и в данной сфере необходимы кардинальные преобразования, и, по мнению автора, фокус внимания должен быть направлен на воспитание патриотизма, толерантности, чувства уважения и гордости за свою Родину. Видимо, ситуацию кардинально может изменить принятие федерального Закона «О российском движении детей и молодежи» (14.07.2022 г.).

Установление частотности этноконтактов требует выявления их характера, потому что наличие плотной коммуникации еще не свидетельствует о его позитивном треке. Порой люди бывают вынуждены поддерживать диалог в силу множества причин, но это общение может носить больше негативный

оттенком, чем позитивный. Чтобы установить характер межнациональной коммуникации опрошенной дагестанской молодежи в исследовании был задан «контрольный вопрос» «Как Вы описали бы характер межличностного общения?». Полученные ответы показывают, что 75,5 % респондентов не испытывают какого-либо дискомфорта, но, по сравнению с другими подмассивами, процентный показатель по аварскому населению заметно ниже (73,5 %), по социально-демографическому разрезу внутригрупповых отличий не выявлено. Далее, 13,9 % респондентов по всей выборке поддерживают межнациональную коммуникацию только в случае необходимости: по этнической принадлежности данный вариант отмечен 21,2 % чеченцев, 15,0 % опрошенного аварского, 14,3 % даргинского, 13,6 % кумыкского населения, 15,9 % в возрастном интервале 21–25 лет и 15,4 % 26–30 лет, а также 14,5 % имеющих среднее специальное образование. При этом статистически небольшая часть опрошенной дагестанской молодежи сознательно не поддерживает межнациональное общение (5,5 %) и по этнической принадлежности отметивших данный вариант ответа больше в подгруппах лакцев и русских (каждый десятый).

Далее, в исследовании были сопоставлены между собой вопросы «Как часто Вы общаетесь с представителями других народов?» и «Как Вы описали бы характер межличностного общения?». Подгруппа, которая постоянно поддерживает общение, и сам процесс коммуникации описывает позитивно («контактирую с удовольствием») – 87,6 %, впрочем, как и подмассив «редко» вступающий в диалог (43,9 %). Эта же когорта («редко») общается с окружающими людьми только в случае необходимости (33,3 %), а 16,7 % опрошенных стараются избежать межличностный контакт. Далее, подмассив респондентов никогда не вступающий в межнациональное общение также контактирует в случае необходимости (22,2 %) или по мере возможности стараются его игнорировать (50,0 %); когорта, которая частотность этноконтактов обозначает «только в случае крайней необходимости» при характеристике процесса общения логично отметила суждения – «контактирую в случае необходимости» (62,5 %), «стараюсь избегать контактов» (12,6 %) и «при общении испытываю напряжение, дискомфорт» (12,4 %).

Заключение. Полученный материал свидетельствует о превалировании в общественном сознании дагестанской молодежи позитивного восприятия представителей инонационального образования, более того, подавляющая часть респондентов подчеркивает отсутствие негативного настроения в отношении иных народов. Верификация материала показывает, что существенная часть опрошенной дагестанской молодежи, во-первых, поддерживает межнациональную коммуникацию, причем очень интенсивно, во-вторых, характеризует ее позитивно;

доля опрошенной дагестанской молодежи, не ориентированной на вступление в межличностный диалог не очень большая.

Полученный материал является основанием для утверждения – чем выше частотность коммуникации, тем теснее общение, а также возможность получения информации о другом народе, его этнокультуре, поведении, ценностно-символической системе – все это в совокупности способствует формированию в сознании молодого поколения принципов толерантности. Данные сопряженности показывают, что опрошенная дагестанская молодежь последовательна и демонстрирует активное межнациональное общение при одновременно положительной его характеристике. Данное обстоятельство является важным в формировании позитивного межнационального климата и сохранении стабильности в современном дагестанском обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 35–46.
2. Арутюнов С.Л. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В. Чешко) // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 7–10.
3. Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 3–26.
4. Заринов И.Ю. Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В. Чешко «Человек и этничность») // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 21–31.
5. Заринов И.Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 3–18.
6. Рыбаков С.Е. К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект // Этнографическое обозрение. 1998. № 6. С. 3–15.
7. Рыбаков В.С. Этничность и этнос // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 3–24.
8. Сергеев В. Социальная дистанция и национальные установки // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2008. № 2. С. 57–61.
9. Цит. по: Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. редактор Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 485 с.

10. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / Рук. проекта и отв. редактор Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. – 485 с.
11. Социальная и культурная дистанции: Опыт многонациональной России. М.: Институт социологии, 1998. – 385 с.
12. Кузнецов И.М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 58–80.

REFERENCES

1. Cheshko S.V. Chelovek i e`tnichnost` [Man and ethnicity]. Ethnographic Review. 1994. No. 6. PP. 35–46. (In Russ).
2. Arutyunov S.L. E`tnichnost` – ob`ektivnaya real`nost` (otklik na stat`yu S.V. Cheshko) [Ethnicity is an objective reality (response to the article by S.V. Cheshko)]. Ethnographic Review. 1995. No. 5. PP. 7–10. (In Russ).
3. Viner B.E. E`tnichnost`: v poiskax paradigmy` izucheniya [Ethnicity: in Search of a Learning Paradigm]. Ethnographic Review. 1998. No. 4. PP. 3–26. (In Russ).
4. Zarinov I.Yu. Istoricheskie ramki fenomena e`tnichnosti (po povodu stat`i S.V. Cheshko «Chelovek i e`tnichnost`») [The historical framework of the phenomenon of ethnicity (about the article by S.V. Cheshko "Man and ethnicity")]. Ethnographic Review. 1997. No. 3. PP. 21–31. (In Russ).
5. Zarinov I.Yu. Vremya iskat` obshnij yazyk` (problema integracii razlichny`x e`tnicheskix teorij i koncepcij) [Time to look for a common language (the problem of integration of various ethnic theories and concepts)]. Ethnographic Review. 2000. No. 2. PP. 3–18. (In Russ).
6. Ry`bakov S.E. K voprosu o ponyatii «e`tnos»: filosofsko-antropologicheskij aspekt [On the question of the concept of "ethnos": philosophical and anthropological aspect]. Ethnographic Review. 1998. No. 6. PP. 3–15. (In Russ).
7. Ry`bakov V.S. E`tnichnost` i e`tnos [Ethnicity and ethnicity]. Ethnographic Review. 2003. No. 3. PP. 3–24. (In Russ).
8. Sergeev V. Social`naya distanciya i nacional`ny`e ustanovki [Social distance and national attitudes]. Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research. 2008. No. 2. PP. 57–61. (In Russ).
9. Cit. po: Grazhdanskaya, e`tnicheskaya i regional`naya identichnost`: vchera, segodnya, zavtra [Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow] / Ruk. proekta i отв. redaktor L.M. Drobizheva. M.: Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya, 2013. – 485 p. (In Russ).
10. Grazhdanskaya, e`tnicheskaya i regional`naya identichnost`: vchera, segodnya, zavtra [Civil, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow] / Ruk.

proekta i otv. redaktor L.M. Drobizheva. M.: Rossijskaya politicheskaya ènciklopediya, 2013. – 485 p. (In Russ).

11. Social'naya i kul'turnaya distancii: Opyt mnogonacional'noj Rossii [Social and cultural distance: The Experience of multinational Russia] M.: Institut sociologii, 1998. – 385 p. (In Russ).
12. Kuznecov I.M. Balans mezhnacional'nyx ustanovok kak indikator sostoyaniya mezhe`tnicheskix otnoshenij [The balance of interethnic attitudes as an indicator of the state of interethnic relations]. The World of Russia. 2017. Vol. 26. No. 1. PP. 58–80. (In Russ).

Информация об авторе: Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Республика Дагестан, Россия
Science Researcher ID: ABA-2690-2020
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>
madina2405@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Madina M. Shakhbanova – Doctor in sociological sciences, senior researcher Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia
Science Researcher ID: ABA-2690-2020
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0003-1325-9452>
madina2405@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 27.03.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 22.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2023

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests

© Шахбанова М.М. 2023

© «ИСОМ». 2023